

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.30-39

ЦЕННОСТЬ ПРАВОВОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ОБЩЕПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Э.Е. Исаев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы ценностного измерения правовой процессуальной политики в общетеоретическом и прикладном аспектах. Ценности процессуального права, будучи редуцированными из сферы аксиологии права в целом, методологически ориентируют правоприменение на достижение позитивного результата в сфере эффективного разрешения конфликтов и споров участников процессуальных правоотношений. Отмечается, что аксиологический подход принимает на себя ведущую роль в раскрытии ценностей правовой процессуальной политики за счет выявления в ней смыслообразующих оснований, эффективных, рациональных, справедливых и разумных действий, отвечающих высокому предназначению и ценности самого права. Сделан вывод о том, что, следуя стратегиям аксиологии права, правовая процессуальная политика должна базироваться на доктринальных положениях юридической науки, что увеличит результативность правовой деятельности и подтвердит ценность законотворчества, правореализации, в том числе правоприменения, в условиях современного правопорядка.

Ключевые слова: ценность права, правовая процессуальная политика, аксиологический подход, эффективность права, результативность права

Изучая цели правовой процессуальной политики, следует обратиться к категории «ценность», которая в философском понимании означает совокупность всего того, что инициирует позитивное отношение к себе, воспринимается в качестве блага, пользы, добра и т. д. Приведенное понятие соотносится с культурной обусловленностью той социально-активной деятельности человека, при помощи которой его жизнь наделяется социальным значением и признанием, нравственным содержанием и смыслом, приобретает важность для общекультурного взаимодействия.

Ценности имеют особую значимость для целеполагания, обеспечивают преемственность и положительную векторность развития цивилизации. Они играют метафизическую роль индикатора человеческого бытия, имеют надисторическое значение и реализуются через общепринятые универсальные механизмы, сконцентрированные в социальных, в том числе правовых, нормах.

Изучением ценностей права и ценностей в самом праве занимается правовая аксиология, начало которой было положено в учении великого китайского философа Конфуция (551–479 гг. до н. э.): в нем были представлены морально-нравственные ценности права, способные служить государственно-правовому разви-

тию, упорядочению отношений между людьми и установлению правопорядка. Два основных принципа морально-этического учения Конфуция – космологический позитивизм и патриархальный традиционализм – означали необходимость следования всех граждан велениям Дао и неба. Соблюдение строгих ритуалов императорами постулировалось как пример для законопослушного поведения граждан, что должно было укрепить государственность и придать юридической деятельности духовную целесообразность.

Позднее ценностный категорический императив великого немецкого философа И. Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда – только как к средству» [1, с. 62] – в правовой аксиологии стал означать нормативное начало любой человеческой деятельности, образ и ценность долженствования, важность чувства ответственности и долга перед людьми, нравственный закон и основу всей социальной жизни и деятельности, в том числе и юридической.

Аксиология права (материального и процессуального) с позиций культурологического подхода и понимания самого права как магистрального элемента культуры на протяжении всего исторического периода развития юридической науки подтверждала и подтверждает востребованность ценностного начала права и его нормативности, остается тем фундаментальным основанием бытия человека и всего сообщества в потребности правового порядка как ценностного измерения жизнедеятельности в целом [2, с. 230].

Сочетание в процессуальном праве целей и средств, целей и интересов служит гуманистическому целеполаганию в государственно-властном и общественно-признаваемом правовом регулировании. Воля нормоустановителя, формулирующая правило поведения, также есть ценностно-организованная сфера по согласованию интересов общества и государства, личности и государства, в какой бы ипостаси эта личность (потерпевший и подозреваемый, истец и ответчик) ни выступала. Безусловно, ценности в праве и ценность самого права сопряжены, что выявляется и проявляется в процессе (процедурах) правореализации, в том числе – правоприменения.

В аксиологии права ценности типологически разделяются на а) ценности-цели; б) ценности-средства. Эти понятия могут использоваться применительно к индивидуальным субъектам, коллективным субъектам, к предмету конкретной деятельности, конкретных отношений. В зависимости от временного параметра это могут быть краткосрочные, долгосрочные и надвременные ценности. Соответственно, ценностные ориентации, например, конкретной личности, формируют структуру и качество ее сознания, структурируют тактику и стратегию деятельности и образ жизни, контролируют и мотивируют ее поведение, формы общения и оказывают на целеполагание личности в целом положительный эффект.

Многообразие ценностного мира позволяет выделить утилитарные (материальные, предметные) и духовные (идеальные) ценности. Как считает О.В. Мартышин, «предметные ценности коррелируют с субъективным интересом и не могут быть одобрены всем обществом с точки зрения их разности. Поэтому индивидуальные ценности должны быть “вписаны” в социальный контекст и, исходя из общих интересов, подчиняться общественным ценностям. Духовные ценности – это абстракции, идеи и принципы, воплощающиеся в реальных бла-

гах, к ним относятся моральные, этические, эстетические и научные ценности. Для юриспруденции, в диапазоне изучения правового поведения и его видов, ценности имеют общеобязательный характер, являются основой права. Каждая правовая норма, не носящая явно технического характера, служит воплощением, развитием, конкретизацией какой-то этической ценности. В первую очередь это относится к принципам права» [3, с. 75].

Ценность принципов права (материального и процессуального) безусловна, что объясняется его обоснованностью ценностями справедливости, равенства, свободы, верховенства закона, независимости судов и т. д. «Ценности являются отражением, продуктом мысли, порождаемым определенными потребностями и соответствующими им благами. Ценности – наиболее абстрактное выражение данной зависимости... являются частью духовного мира общества, идеальным первообразом принципов и мотивом их становления... В практическом плане ценности и идеи дают толчок развитию права. Во многих отношениях они являются его “душой”, без которой право – это лишь инструмент властного воздействия и технология социального управления» [4, с. 40–41], как справедливо подчеркивает Я. Стоилов.

Будучи духовными и интеллектуальными началами права и всего законодательного массива, принципы-ценности составляют фундамент права, правового сознания и правовой культуры как на обыденном, профессиональном, так и на доктринальном уровне. Очевидно, что на профессиональное правовое сознание юристов принципы оказывают особое влияние и отличаются не только силой юридического воздействия, но и квалифицирующим критерием ценности профессиональной юридической деятельности.

Если ценностный характер правовой деятельности, по мнению П.П. Ланга, представляет собой «способ продуктивного воспроизводства культуры через свойства нормативности, всеобщности, обязательности, вырабатываемые на коллективном уровне сознания и усваиваемые – на индивидуальном» [5, с. 15], то осуществление данного вида деятельности обязывает профессиональное правосознание (прежде всего – законодательствующего, а затем – правоприменяющего субъекта) осмыслить, усвоить и реализовать на практике комплекс иерархически выстроенных ценностей, а также ценностных ориентаций и установок.

При рассуждении об иерархии ценностей в праве обращение к аксиологическому подходу становится обязательным для объяснения социальной и личностной (в том числе профессиональной и доктринальной) структуры ценностей, последняя не умаляет социальной ценности правовой деятельности, так как она осуществляется прежде всего для упорядочивания всего комплекса общественных отношений, то есть отношений в социуме. Но особенностью личной профессиональной ценности юриста являются его зрелое правовое мировоззрение, правовая целеустремленность к справедливой и законной реализации профессиональных компетенций во имя общего блага. Социальная же ценность правовой деятельности заключается в способности и умении юриста эффективно разрешать возникающие конфликты и споры, находить компромиссные и сбалансированные решения с исполь-

зованием правового инструментария и механизмов, демонстрирующие ценность и права, и правореализации, в том числе правоприменения. Социальная ценность правоприменительной деятельности, собственно, в этом и состоит. Как отмечают Р.Ф. Степаненко и К.А. Лягин в работе «Социальное назначение правоприменения: актуальные вопросы теоретического правоведения» (2018), цели правоприменительной деятельности конституируются исходя из целеполагания социального государства (гарантирующего в соответствии с основным законом Российской Федерации «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»), чья политика направлена на соблюдение и охрану основных прав и свобод, являющихся неотчуждаемыми и непосредственно действующими, а право адекватно и эффективно обеспечивает гуманное и справедливое осуществление социальных функций государства [6, с. 139].

Между тем ценности права и правовой деятельности сопряжены и обосновываются, в первую очередь, в доктринальной политике права (правовой политики), которая формулирует тактические и стратегические цели совершенствования законодательной и правореализационной, в том числе правоприменительной, деятельности на научной и системной основе. Соответственно, правовая процессуальная политика, в нашем понимании представляющая собой «научно-обоснованную системную деятельность, направленную на всемерную охрану и защиту интересов личности, общества и государства» [7, с. 367], осуществляемую непосредственно в юридическом процессе посредством использования легитимных правовых средств и механизмов, опосредуется ценностными установками в той мере, в какой она соответствует ценностям права в целом.

Аксиологический подход выполняет ключевую роль в раскрытии ценностей правовой процессуальной политики, формируя ее смыслообразующие основания, мотивирующие, в частности, правоприменителя к совершению нравственно-этических, целесообразных, эффективных, разумных и справедливых действий, отвечающих высокому предназначению права. При этом ценности подобной деятельности носят как социальный (хотя и доминирующий для юриспруденции), так и общегуманитарный характер. Гуманизм правовой процессуальной политики проявляется не только в умении разрешать и находить компромиссы при решении спорных и конфликтных ситуаций, он совмещен с пространственной целостностью общечеловеческих ценностей; запросом на обеспечение правом безопасности, свобод; надеждами людей на своевременную и реальную защиту их прав. На этом же уровне ценности правовой процессуальной политики выступают как абсолютные, не подлежащие пересмотру и модификациям, особенно свойственным современному правопорядку, находящемуся в состоянии неопределенности и неустойчивости.

О различении абсолютных и относительных ценностей права, в том числе правовой процессуальной политики, пишут ученые в области философии, истории, социологии, психологии, теоретического правоведения. В частности, в работе «Ценность процессуального права: социально-философское измерение» (2022) Р.Ф. Степаненко и Г.Н. Степаненко подчеркивают важность применения к ценностям процессуального права многоуровневого подхода. Абсолютные ценности неизменны и инвариантны по отношению к конкретно-историческим условиям правовой реальности, а относительные ценности преобразуются в связи

с изменениями политико-правовых стратегий государства [8, с. 515], что можно наблюдать в историческом опыте имперской России или же в особенностях процессуального права, например, советского периода. Абсолютные ценности правовой процессуальной политики присущи различным правовым системам, тогда как относительные – характерны для конкретных правовых систем, базирующихся на собственных традиционных ценностях, культуре, ментальности и мировоззрении.

Описываемую иерархию ценностей можно наблюдать по наличию принципов, декларируемых в процессуальном законодательстве, и целей, устанавливаемых законодателем. Так, в качестве примера можно провести анализ КАС РФ, принятого Государственной Думой 20 февраля 2015 г. и одобренного Советом Федерации 25 февраля 2015 г. (КАС РФ). Ст. 6 данного кодекса в качестве принципов административного судопроизводства называет: «1) независимость судей; 2) равенство всех перед законом; 3) законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел; 4) осуществление административного судопроизводства в разумный срок и исполнение судебных актов по административным делам в разумный срок; 5) гласность и открытость судебного разбирательства; 6) непосредственность судебного разбирательства; 7) состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда».

С точки зрения правовой аналитики, являющейся методологической основой научной и практической юриспруденции, приведенный перечень принципов, используемых в административном судопроизводстве, не отличается логической последовательностью и стройностью суждений. Так, важные для процессуальной политики принципы «независимости судей» и «равенства всех перед законом», как видится, должны располагаться по степени важности – после принципа «справедливости и законности». Причем «справедливость» как общепризнанная ценность и универсалия должна быть указана до «законности». «Разумность» сроков административного судопроизводства и исполнения судебных актов по административным делам не конкретизирована законодателем, что означает неопределенность критериев выполнения целей и задач процесса административного судопроизводства и может нарушить тот же принцип «законности и справедливости» при вынесении несвоевременных решений. В пункте, в котором постулируется принцип «состязательности и равноправия сторон», сделан ненужный, на наш взгляд, акцент на активной роли суда, которая очевидным и аксиологическим образом не может быть пассивной по своей правовой природе и т. д. Иными словами, ценность принципов административного судопроизводства определенным образом формализована и не оказывает желаемого воздействия на правовое сознание и правовую культуру участников этого вида процессуальных правоотношений.

Аналогично обстоят дела с принципами процессуального права в ином кодифицированном законодательстве. Так, в гл. I «Основные положения» АПК РФ принципы независимости судей арбитражных судов (ст. 5), законности (ст. 6), разумных сроков (ст. 6.1) изложены до общеправовых принципов равенства всех перед законом и судом (ст. 7), равноправия сторон (ст. 8), что, как нам представляется, демонстрирует первостепенность ценностей процессуального права, располагая на последующих ступенях ценности права в общем, остав-

ляя им роль периферийных ценностей, что методологически, на наш взгляд, неоправданно. Как нами отмечено, ценности первого (абсолютные) и последующего (относительные) порядка имеют свою модальность в процессе их регламентации (АПК РФ).

По мнению известного французского правоведа Г.А. Шварц-Либермана фон Валендорфа, «чтобы не быть рабами юридических норм, мы должны научиться их правильно оценивать» [9, с. 9], что составляет объектно-предметную сферу исследований философии и аксиологии права, устанавливающих иерархию ценностей в правовой реальности на разных исторических этапах ее развития.

С позиций методологии юридической науки и практики как системы организации и построения эффективной юридической деятельности, о которой рассуждают ученые-правоведы, в том числе представители Казанской юридической научной школы [10], «наделение» первостепенной ролью юридической техники и технологий является необходимым условием достижения целевой и ценностной результативности правовой процессуальной политики. В подобном случае нельзя обойтись масштабированием законодательного массива, тем более что постоянный рост количества нормативных актов не оказывает должного влияния на эффективность осуществления правового процесса, что с тревогой отмечают правоведы-теоретики.

Как считает Ю.А. Тихомиров, «последние 50 лет характеризуются тем, что увеличивается количество нормативных правовых актов... Многослойное регулирование давит... Право должно предвидеть, как “встречаться” с этими нормами в процессе правотворчества и правоприменения» [11, с. 57]. Постоянное изменение законодательства также не способствует повышению результативности правового регулирования и, более того, может приводить к негативным для целей правоприменительной деятельности результатам.

Согласно мнению В.М. Баранова, изложенному в работе «Изменения законодательства как социальная травма» (2023), одной из сущностных характеристик современного законотворчества является его «травматичность», деформирующая экономические, социально-политические и духовные стороны правовых отношений. Постоянное увеличение законодательного массива негативно воздействует на личность и общество, нарушая либо разрушая «привычный уклад жизни» граждан и усиливая состояния «неопределенности и незащищенности будущего» [12, с. 40], что свидетельствует об оторванности положений материального и процессуального права от правовой реальности и демонстрирует нарушение взаимодействия юридической науки и процесса нормотворчества, что в конечном счете негативно сказывается на юридической практике.

Ценности правовой процессуальной политики транслируются в соответствующее законодательство в виде правовых гарантий, обеспечивающих реализацию целей и средств правоохранительной деятельности. «В исполнительном производстве существуют особые процессуальные гарантии реализации прав граждан и организаций. Это, прежде всего, пределы реализации прав граждан и организаций; конкретизация их прав в текущем законодательстве; юридические факты, с которыми связывается реализация прав; меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной и инициативной реализации прав граждан и организаций в исполнительном производстве», что было отмечено Д.Х. Валеевым [13, с. 8]. Кроме

того, в соответствии со ст. 121 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ФЗ № 229) действия судебного пристава-исполнителя по исполнению исполнительного документа могут быть обжалованы сторонами исполнительного производства, иными лицами, чьи права и интересы нарушены такими действиями (бездействием), в порядке подчиненности и оспорены в суде, что представляет собой одну из упомянутых гарантий.

Между тем ценность правовой процессуальной политики, несмотря на отдельные несовершенства законодательной среды, приобретает новые аксиологические ориентиры, связанные прежде всего с динамичным развитием и внедрением в юридическую практику новых информационных технологий. Так, например, по мнению Н.Н. Маколкина, «интеграция аутентификации и верификации данных в современных условиях правовой реальности способна не только повысить качество реализации и практического применения существующих процессуальных гарантий доступности правосудия, но и обусловить возникновение ряда новых процессуальных гарантий... недопущением необоснованного возбуждения исполнительного производства и т. д.» [14, с. 11]. Активное внедрение и использование технологических способов и средств, с помощью которых экономится время, снижает материальные и другие сопутствующие судопроизводству затраты. Минимизация последних представляет собой ценность и для правоприменителя, и для иных участников процессуальных действий и обосновывается как отраслевой юридической наукой, так и представителями теоретико-исторических наук.

В завершение исследования необходимо отметить, что доктрина правовой политики России, в том числе правовой процессуальной политики, основывается на результатах научной деятельности ученых – теоретиков права, основные выводы и положения которых имеют принципиальное значение для повышения эффективности и результативности юридического процесса. Ценность правопреобразования неоспорима для систематизации законотворческого процесса и правореализации, в том числе правоприменения, в связи с чем аксиологические обоснования правовой процессуальной политики должны обрести подтверждение и пройти должную апробацию в ходе преобразования в позитивном ключе процессуального права на современном этапе.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 6 апр. 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/, свободный.

ФЗ № 229 – Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 6 апр. 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/, свободный.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 № 21-ФЗ (ред. от 6 апр. 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/, свободный.

Литература

1. *Кант И.* Критика практического разума / Пер. Н.М. Соколова. М.: Юрайт, 2024. 177 с.
2. *Рыбаков О.Ю.* Философия права. М.: Проспект, 2022. 320 с.
3. *Мартышин О.В.* Философия права. М.: Проспект, 2017. 352 с.
4. *Стоилов Я.* Принципы права: понятие и применение / Под. ред. Е.А. Фролова. М.: Проспект, 2023. 312 с.
5. *Ланг П.П.* Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2022. 43 с.
6. *Степаненко Р.Ф., Лягин К.А.* Социальное назначение правоприменения: актуальные вопросы теоретического правоведения // Вестн. экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 137–141.
7. *Исаев Э.Е.* Современные тенденции правовой процессуальной политики России: актуальные вопросы теоретического правоведения // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 16 нояб. 2023 г.) / Редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.]. Чебоксары: Среда, 2023. С. 363–366. <https://doi.org/10.31483/r-108754>.
8. *Степаненко Р.Ф., Степаненко Г.Н.* Ценность процессуального права: социально-философское измерение // Право. Порядок. Ценности. М.: Блок-Принт, 2022. С. 508–516.
9. *Schwarz-Liebermann von Wahlendorf H.A.* Éléments d'une introduction à la philosophie du droit. Collect.: Bibliothèque de philosophie du droit. V. 21 / Eisenmann Ch., Batiffol H., Villey M. (Dir.). Paris: Librairie gén. de droit et de jurisprudence, 1976. 101 p.
10. *Бакулина Л.Т., Степаненко Р.Ф.* Обзор материалов III Всероссийского «круглого стола» по общетеоретическим проблемам права «Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований» // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 135–152.
11. *Тихомиров Ю.А.* Правоприменение: от эпизодичности к целевой результативности // Журн. рос. права. 2017. № 1 (141). С. 55–62. <https://doi.org/10.12737/23702>.
12. *Баранов В.М.* Изменение законодательства как социальная травма // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 40–58.
13. *Валеев Д.Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 52 с.
14. *Маколкин Н.Н.* Институт аутентификации и верификации в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 23 с.

Поступила в редакцию 10.04.2024

Принята к публикации 10.06.2024

Исаев Эдуард Евгеньевич, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: eee.isaev@gmail.com

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.30-39

**The Value of Procedural Policy:
Axiological and General Legal Aspects**

E.E. Isaev

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: eee.isaev@gmail.com

Received April 10, 2024; Accepted June 10, 2024

Abstract

This article examines the problems of identifying the values of procedural policy from theoretical and applied perspectives. Rooted in the general axiological principles of law, the values of procedural law guide law enforcement toward achieving positive outcomes by effectively resolving conflicts and disputes among the parties of legal procedures. It was shown that the values of procedural policy are best described by the axiological approach, which highlights its focus on meaningful, effective, rational, fair, and reasonable actions that align with the higher purpose and value of law. The conclusion was made that, in accordance with the strategies of legal axiology, procedural policy should be based on the doctrinal principles of legal science to enhance the efficiency of legal activities and uphold the value of lawmaking and law enforcement, including the administration of law, within today's legal framework. The value of legal procedural policy was found to lie in setting new axiological standards, primarily associated with the dynamic development and use of new information technologies in legal practice. The value of jurisprudence in systematizing the legislative process and law enforcement was explored, thereby affirming the axiological nature of legal procedural policy.

Keywords: value of law, procedural policy, axiological approach, effectiveness of law, efficiency of law

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* [The Critique of Practical Reason]. Sokolov N.M. (Trans.). Moscow, Yurait, 2024. 177 p. (In Russian)
2. Rybakov O.Yu. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Prospekt, 2022. 320 p. (In Russian)
3. Martyshin O.V. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Prospekt, 2017. 352 p. (In Russian)
4. Stoilov Ya. *Printsipy prava: ponyatie i primeneniye* [Legal Principles: The Concept and Use]. Frolov E.A. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2023. 312 p. (In Russian)
5. Lang P.P. Legal affairs: Axiological and worldview foundations. *Extended Abstract of Doct. Law Diss.* Samara, 2022. 43 p. (In Russian)
6. Stepanenko R.F., Lyagin K.A. The social nature of law enforcement: Key issues of theoretical jurisprudence. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sotsiologii*, 2018, no. 2, pp. 137–141. (In Russian)
7. Isaev E.E. Current trends in the procedural policy of Russia: Key issues of theoretical jurisprudence. *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh i sotsial'nykh nauk: ot teorii k praktike: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchast. (Cheboksary, 16 noyab. 2023 g.)* [The Topical Issues of the Humanities and Social Sciences: From Theory to Practice: Proc. III All-Russ. Sci.-Pract. Conf. with Int.

- Participation (Cheboksary, Nov. 16, 2023)]. Murzina Zh.V. et al. (Eds.). Cheboksary, ID “Sreda”, 2023, pp. 363–366. <https://doi.org/10.31483/r-108754>. (In Russian)
8. Stepanenko R.F., Stepanenko G.N. The value of procedural law: Social and philosophical insights. In: *Pravo. Poryadok. Tsennosti* [Law. Order. Values]. Moscow, Blok-Print, 2022, pp. 508–516. (In Russian)
 9. Schwarz-Liebermann von Wahlendorf H.A. *Éléments d’une introduction à la philosophie du droit*. Collect.: Bibliothèque de philosophie du droit. Vol. XXI. Eisenmann Ch., Batiffol H., Villey M. (Dir.). Paris, Librairie gén. de droit et de jurisprudence, 1976. 101 p. (In French)
 10. Bakulina L.T., Stepanenko R.F. A review of the proceedings of the III All-Russian “Round Table” Conference on General Theory of Law “Current Trends in the Evolution of Legal Research Methodology”. *Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 2016, no. 7(139), pp. 135–152. (In Russian)
 11. Tikhomirov Yu.A. Law enforcement: From episodic to target performance. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2017, no. 1(141), pp. 55–62. <https://doi.org/10.12737/23702>. (In Russian)
 12. Baranov V.M. Changing legislation as a social trauma. *Yuridicheskaya Tekhnika*, 2023, no. 17, pp. 40–58. (In Russian)
 13. Valeev D.Kh. The system of procedural guarantees of the rights of citizens and organizations in court enforcement. *Extended Abstract of Doct. Law Diss.* Yekaterinburg, 2009. 52 p. (In Russian)
 14. Makolkin N.N. The institution of authentication and verification in civil process. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Kazan, 2023. 23 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Исаев Э.Е. Ценность правовой процессуальной политики: аксиологические и общеправовые аспекты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 30–39. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.30-39>. ⟩

⟨ **For citation:** Isaev E.E. The value of procedural policy: Axiological and general legal aspects. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 30–39. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.30-39>. (In Russian) ⟩